

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

LE ROMAN
DES CHATEAUX DE FRANCE

Роман о замках

Французская лилия

Брызги шампанского

Эхо Марсельезы

Проделки королев

Жюльетта
БЕНЦИНИ

Проделки королев
Роман о замках

Москва
«ЭКСМО»
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 46

Juliette Benzoni

LE ROMAN DES CHATEAUX DE FRANCE T2

Copyright © Perrin 2012

Перевод с французского *Сергея Нечаева*

Художественное оформление *Сергея Ляха*

Бенцони, Жюльетта.

Б 46 Прodelки королев. Роман о замках / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. С. Ю. Нечаева]. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского романа).

ISBN 978-5-699-75031-3

Тысячи замков украшают Францию. Жюльетта Бенцони приоткрывает завесу прошлого, рассказывая удивительные истории, произошедшие среди древних крепостных стен. Становление мадам де Помпадур в замке Этиоль, медовый месяц Чезаре Борджа в Ля Мотт-Фёйи, убежище Жозефины и Наполеона в Мальмезон, каприз Марии Медичи – Люксембургский дворец...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Нечаев С.Ю., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-75031-3

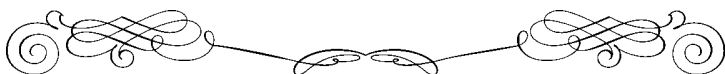
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

От автора

Первые части своего романа о замках¹ я начала с описания событий, связанных с Елисейским дворцом, немного сумасшедшим и имеющим отношение к главам Франции, — сооружением, стоящим на правом берегу Сены. А теперь, мне кажется, пришла пора рассказать о дворце, расположившемся на левом берегу Сены, тоже немного сумасшедшем и имеющем отношение к тем, кто в основном не согласен с обитателями Елисейского дворца.

¹ В издательстве «Эксмо» вышли две части «Романа о замках»: «Французская лилия» и «Брызги шампанского». Все сноски подготовлены редактором, за исключением особо оговоренных случаев.

Люксембургский дворец (Le Luxembourg)

*Слегка безумные дамы
и не слишком разумные господа!*

*Говорят, что в час тот самый,
Когда в Люксембурге гаснут огни,
В его саду все, следуя методе,
Готовы для нежной любви.*

Сатирическая песня XVIII века

Через два года после того, как нож Равальяка¹ избавил Марию Медичи от супруга, которого она никогда не любила и не считала себе ровней (регентше Франции при старшем сыне, несовершеннолетнем короле Людовике XIII), она окончательно поняла, что Лувр ей не просто не нравится — он ей ненавистен. Окружавшие комплекс зданий канавы весь год источали отвратительный запах, несмотря на огромные суммы, потраченные Марией Медичи с целью превратить Лувр в жилище, достойное короля, подобное дворцам с берегов Арно. Лувр был очень богат... поэтому она и «вышла за него замуж». Она не могла простить старому дворцу Капетингов неприятного впечатления от первой встречи с ним. В день ее «радостного прибытия» в Париж за массивными дверьми

¹ В 1610 году Франсуа Равальяк убил короля Франции Генриха IV Великого, основателя французской королевской династии Бурбонов.

Лувра ее ждала неприглядная картина: грязные полотна известных живописцев, облупившиеся стены, протершиеся до основания ковры и мебель, пригодная разве что для каморки старьевщиков.

Все это безобразие шокировало ее впечатлительную натуру. Мария Медичи была близка к тому, чтобы принять происходившее за нелепую шутку ее новоиспеченного супруга — подвижного коротышки, веселого, но грубого и пропахшего чесноком. Она выскочила замуж в Лионе всего за несколько дней до прибытия в Париж. Супруг не встретил ее: в одиночестве и отчаянии она пробегала по угрюмым залам, стены которых цвели плесенью и отдавали гнилью. Генрих IV предпочел общество Генриетты д'Антранг, маркизы де Вернёй, которая не лишила себя удовольствия отравить супружескую жизнь флорентийке, прежде чем сблизиться с ней. Опять же не без корысти, но лишь тогда, когда назрела необходимость избавиться от властного любовника.

Итак, став вдовой, Мария Медичи решила найти себе новое жилище, которое бы точно соответствовало ее вкусу. Она выбрала левый берег Сены и живописный квартал, состоящий из садов и больших особняков, простиравшихся на склонах горы Святой Женевьевы. Там находился красивый особняк герцога Люксембургского, построенный веком раньше для Арле де Санси — ныне это Малый Люксембургский дворец. Королева-мать купила особняк, и поначалу он стал прибежищем ее детям — она перевозила их туда, когда они болели. Но очень скоро выяснилось, что здание слишком мало. Кроме того, дети быстро росли. Через два года Людовик XIII должен был достичь совершеннолетия и жениться на инфанте Анне — той самой, которая вошла в историю под именем Анны Австрийской. Тогда Мария Медичи не сможет распорядиться в Лувре, она должна была при-

думать какой-то достойный выход из ситуации. И она приняла стратегически верное решение построить новый дворец — копию дворца Питти во Флоренции, где прошло ее детство.

Конечно, можно было закончить постройку дворца Тюильри, начатого ее тетюшкой Екатериной Медичи, но Мария хотела иметь жилище, которое принадлежало бы только ей. Подумав, что хорошо было бы пригласить архитектора из Флоренции, она все же поручила строительство Соломону де Броссу, который едва ли был вдохновлен образцом Питти.

Было снесено несколько домов и часть Малого Люксембургского дворца. 2 апреля 1615 года Мария Медичи собственноручно заложила первый камень фундамента и три золотые медальона в основание нового дворца. Для полного завершения строительства понадобилось пятнадцать лет, но с 1625 года королева-мать уже поселилась на втором этаже западного крыла дворца, названного дворцом Медичи. Названного королевой, ибо парижане прозвали его Люксембургским дворцом.

Здесь, в комнате Марии Медичи, 16 ноября 1630 года разыгралась бурлескная комедия, которая осталась в истории под названием «День одураченных» и из которой Ришельё, к тому времени уже считавший себя потеряннным, сосланным и побежденным толстой и злой королевой, вышел еще более сильным, чем прежде.

Шестью годами позже, по милости своего младшего сына Гастона Орлеанского втянутая в заговор против короля, Мария Медичи оставила свой прекрасный новый дворец, чтобы уже никогда больше в него не возвращаться. Сосланная в Блуа, она умудрилась оттуда бежать и вскоре (в 1642 году) умерла в Кёльне.

Знаменитый «Грязный поэт» Клод Ле Пти посвятил несколько строф брошенному дворцу:

*Когда я смотрю на чудесное здание,
Что над самим Лувром, похоже, смеялось,
Себе говорю я: «Возможно ли это,
Чтоб та, кто его возвеличила,
От голода в Кёльне далеко скончалась?»*

Через год после смерти королевы-матери не осталось больше никого из главных действующих лиц «Дня одураченных». Людовик XIII и Ришельё отправились в мир иной практически одновременно (с разницей всего в несколько недель). Люксембургский дворец перешел к Гастону Орлеанскому, вечному заговорщику, не сделавшему там ничего, а потом — к его вдове, Маргарите Лотарингской, которая прожила там еще двенадцать лет до самой своей смерти.

И кому же потом достался огромный псевдоитальянский дворец? Старшей дочери Гастона, мадемуазель де Монпансье, прозванной Большой Мадемуазель за ее подвиги в годы Фронды, когда она заставила пушки Бастилии стрелять по своему кузену Людовику XIV. Мадемуазель, которая к тому времени уже занимала большую часть замка, была, без сомнения, богатейшей женщиной во Франции: владения Домб и Рош-сюр-Йонн, герцогства Монпансье, Шательеро и Сен-Фаржо «вместе с многочисленными прекрасными землями, носящими титулы маркизатов, графств, виконтств и баронств, плюс кое-какие королевские ренты, а также частные ренты — все это составляло триста тридцать тысяч ливров ежегодной ренты». Но она была еще и совершенно безумной особой! Судите сами!.. Разве не ей в тридцать шесть лет пришла в голову идея выйти замуж за младшего отпрыска семейства Перигор, Антуана Номпар де Комона, маркиза де Лозена, который был на семь лет моложе ее, менее знатен и даже не особенно красив? Маленького роста,

с красным носом и редкой шевелюрой, этот самый Лозен не был привлекательным мужчиной... Но он обладал дьявольским умом и рыцарской храбростью, и все женщины были от него без ума. Он уже давно перестал вести счет своим любовным победам. В ловких руках этого молодого проказника бедняга Мадемуазель растаяла, словно воск.

В 1670 году Лозен был на волосок от заветной цели — жениться на богатейшей наследнице Франции. Но в последний момент Людовик XIV отозвал свое согласие на брак, и Лозен, ничего не понимая и совершая одну за другой непростительные глупости, был вынужден присоединиться к обществу суперинтенданта Фуке в донжоне Пиньероль, что в Пьемонте. Там он оставался в заключении десять лет, причем почти все это время его местопребывание держалось в тайне.

Что же касается Мадемуазель, то арест ее «рыцаря» означал для нее конец мечтам о счастье. Ее сердце было разбито! Она плакала, умоляла монарха на коленях. Ничего не помогло, несмотря на благожелательность короля по отношению к ней. Оставшись одна в своем роскошном Люксембургском дворце, она принялась ждать, надеяться, изыскивать разные пути к освобождению того, кого никак не могла забыть. Наконец в 1680 году ей это удалось... Но как? Мадемуазель нашла способ умаслить короля: она пообещала по завещанию оставить свое владение Домб и графство д'Э (d'Eu) молодому герцогу Мэнскому, незаконнорожденному сыну Людовика XIV и мадам де Монтеспан.

В марте 1682 года Мадемуазель и Лозен встретились вновь. Ему было сорок девять лет, ей — пятьдесят пять. Он продолжал твердить о женитьбе, и она не мечтала ни о чем другом. Их свадьба состоялась, и с тех пор жизнь Мадемуазель стала настоящим адом! Люксембургский

дворец и замок д'Э стали свидетелями ужасных сцен. Лозен быстро освоился, расправил плечи и начал вести себя как полноправный хозяин — причем хозяин чрезвычайно грубый. Он изменял своей жене с кем попало, но требовал, чтобы с ним обращались как с принцем. Мадемуазель превратилась в рабу его прихотей. Если же за непозволительное поведение ему порой и доставалось, то и он, понятное дело, не оставался в долгу. Через два года подобного сосуществования произошел официальный разрыв. Люксембургский дворец обрел прежний мир и покой. Мадемуазель жила там вплоть до смерти 23 марта 1693 года. В свой последний час на смертном одре она отказалась принять Лозена, который, возможно, хотел покаяться... и объявил по ней траур.

После краткого пребывания во владении герцогини де Гиз, сводной сестры Мадемуазель, дворец вернулся к Людовику XIV, который и подарил его Месье, своему брату герцогу Филиппу Орлеанскому. У того был сын, тоже Филипп, рожденный от союза с принцессой Палатинской. После смерти старого короля он-то и стал регентом.

Придя к власти, Филипп уступил настоятельным просьбам своей старшей дочери, Марии-Луизы-Элизабет, вдовы герцога де Берри, которой было тогда всего двадцать лет. Юная и восхитительная герцогиня пожелала жить в Люксембургском дворце. Она хотела иметь все самое лучшее, чтобы все остальные поняли, кто настоящая королева. И поскольку она всецело властвовала над ослепленным отцом, ей не составило особого труда добиться своего и в этом случае.

Регент был хорошо образован, воспитан, был тонким дипломатом и добрым человеком, и из него, без сомнения, вышел бы отличный король Франции. Но, презираемый с детства и пришедший к власти исключительно

благодаря стечению обстоятельств, он не верил в себя. Филипп быстро пристрастился к вину и увлекся женщинами, ища в них утешения. К сожалению, дочь разделяла его вкусы, и Люксембургскому дворцу привелось пережить сцены, каких не видывал даже Елисейский дворец в те времена, когда он превратился в обитель порока.

Как и ее отец, мадам де Берри обожала праздники, но праздники особого рода: достаточно, как минимум, сказать, что дворцовый этикет она не признавала. Еще она любила красивых молодых людей. Для остроты ощущений ей было вполне достаточно юношей ее собственной охраны и самых прекрасных дворян отца. Она «потребляла» их в огромных количествах. Скажем сразу: отец и дочь стали товарищами по дебошам. Пили они не закусывая, ели — без ограничений! Их «невинные забавы» не отличались скромностью, а еще они обожали сеансы черной магии по книгам Аретина, которые обычно комментировал один из дворян.

Натанцевавшись всласть, они наконец гасили свечи. Спрашивается — зачем? Яркий свет нисколько не смущал дам: они присутствовали на ужине или в простейших нарядах, или же едва завернувшись в тонкий муслин, который не скрывал аппетитных форм белых холеных тел.

Потакая своим вредным привычкам, герцогиня де Берри, обладавшая отличным аппетитом, стремительно толстела и поправилась до такой степени, что в народе ее прозвали Толстощекой Принцессой. Она страдала несварением желудка и множеством других недугов, но это не остановило ее в обжорстве. Поговаривали даже, что чем хуже она себя чувствовала, тем больше предавалась чревоугодию. И вот в Люксембургском дворце уже жила не прекрасная женщина, а «безобразная толстуха», полностью погрузившаяся в душераздирающие кошмары, что и привело ее к трагическому концу. 21 июля

1719 года герцогиня де Берри умерла, когда ей было всего двадцать четыре года от роду.

Народ сочинил про нее песню:

*Прожечь могла надменным взглядом
И, презирая этикет, носила шаровары.
Ей титулы ласкали слух,
Но с таким огромным задом
Она была знатнейшей из французских потаскух.
О, Мессалина дю Берри,
Очами, полными огня, в плен тяжкий забери.*

Смерть заставила умолкнуть шутки и песни, спокойствие вновь вернулось в Люксембургский дворец, и глупая печаль овладела регентом.

Новую эру в старинном дворце Марии Медичи, эру владычества мужчин (да не просто мужчин, а серьезных политиков), открыл младший брат Людовика XVI, граф Прованский, который в 1775 году добился от короля, чтобы тот отдал ему во владение Люксембургский дворец.

Король был недавно коронован в Реймсе, и хотя уже пять лет был женат на ослепительной Марии-Антуанетте, но ребенка у них еще не было. Дело в том, что Людовик XVI страдал «деликатными интимными проблемами». Так что пока его прямым наследником был Месье, то есть граф Прованский. А молодой граф стремился занять место короля как можно скорее. И, конечно же, он предпринимал для этого все необходимые усилия.

Заговоры и тайные интриги плелись быстрее паутины в углах замка. Особенно интенсивно это проявилось, как только Месье осознал, что между ним и столь вожделенной короной Франции нет никого, кроме старшего брата. Однако пока в 1775 году граф Прованский довольствовался созерцанием чужих коронаций, и единственное, что он предпринял, это переезд в Люксем-

бургский дворец. Там граф обосновался с независимым видом будущего наследника.

Конечно же, начало положено — есть жилище, достойное величия короля... Люксембургский дворец, пристанище целой династии коронованных женщин, показался графу вполне подходящим для его будущей роли. Увы, старый дворец хотя и сохранил свой прежний блеск, но сильно сдал от одиночества. Времена блистательных женщин закончились там в 1742 году, тридцатью тремя годами раньше, со смертью королевы Луизы Испанской, вдовы Филиппа V, урожденной принцессы из рода герцогов Орлеанских, которая жила там со времени своего вдовства. А затем — тридцать три года — никого.

Итак, Месье получил роскошную резиденцию, соответствовавшую его амбициям. Но дворец требовал ремонта, который мог бы вернуть ему подлинно королевский вид. Сумма, необходимая для этого, оказалась астрономической, и король, уже имевший жену, которая обходилась ему недешево, не обнаружил ни малейшего желания (равно как и средств) оплачивать пожелания брата, к которому к тому же он не питал особой привязанности. И не без оснований.

Тогда Месье решил сам заняться поиском денег и превратился в строительного подрядчика. Слава богу, владение было обширно, а сады — огромны. Месье отторгнул от него часть с западной стороны — около 13 400 туазов¹ — и продал. Так он получил сумму, необходимую для оплаты работ во дворце. Этих денег хватило даже на постройку восхитительного особняка на улице Мадам, предназначенного для его фаворитки графини де Бальби.

¹ Туаз (*фр. toise*) — французская единица длины — это примерно два метра.